

Глава 2

Крестьянские писатели

Мирон Галанин и холоп Максим



С самого начала археографический поиск филологов и историков Академгородка направлял один важнейший пример, ценная концепция, выработанная за долгие годы уникальных обследований русского Севера археографами Пушкинского дома. Работы крупнейшего энтузиаста и подвижника этих обследований В. И. Малышева доказали, что есть еще на Руси места, которые могут интересовать археографа не просто как более или менее обильный резервуар старинных книг. Места эти были когда-то, в XVII–XIX вв., центрами своеобразной крестьянской культуры, здесь были свои школы переписчиков, даже своя литература. Крестьянские династии переписчиков В. И. Малышев проследил вплоть до 20–30-х гг. XX в. Сибирь имела и в прошлом немало общих черт с европейским Севером, и, отправляясь впервые в археографические маршруты, мы мечтали обнаружить в Сибири какие-то следы существования здесь в прошлом центров крестьянской письменности и литературы, подобных тем, что так замечательно описал В. И. Малышев. Обнадеживали и результаты, полученные первой разведывательной группой Е. И. Дергачевой-Скоп, Е. К. Ромодановской и В. Н. Алексеева, отправленной в 1965 г. из Новосибирска. Обнаруженные ими районы крестьянской книжной культуры прошлого в ближайшие годы дадут немало ценных находок: там же будет добыта самая древняя из спасенных сибирскими археографами русских рукописей — она датируется серединой XV в. и содержит, в частности, список одного из произведений цикла литературных памятников XII в., посвященного князьям Борису и Глебу.

Знакомство со скрипторием укрепило наши надежды. Каждый год приносил все больше сведений о переписке древних русских книг крестьянами-старообрядцами Урала и Сибири в XVIII и XIX вв., а подчас и во второй половине XX в. Но без ответа оставался еще один важнейший вопрос: неужели они ограничивались лишь перепиской сочинений чужих авторов, эпох и территорий? Существовала ли, скажем, в XVIII в. собственная письменная литература крестьян Урала и Сибири? Давно уже был известен большой исторический труд — сибирская летопись, написанная в интереснейшей ямщицкой семье Черепановых. Можно ли поставить что-нибудь рядом с ней, или это единственный пример?

Здесь мы вступаем в довольно туманную область, в которой современную науку ждет еще немало интересного, — литературу огромных крестьянских масс России. Ее сюжеты, герои, методы, мировоззрение, эстетика, особенность, специфика произведений, написанных самими крестьянами и пользовавшихся особенной популярностью у крестьян. Литература (и вообще культура) широких



Разговор об археографии. Санаторий «Узкое». Справа налево: З. А. Лихачева, Д. С. Лихачев, С. О. Шмидт и Н. Н. Покровский

народных масс всегда привлекала к себе особое внимание советских ученых — вспомним хотя бы ставшие классическими работы В. П. Адриановой-Перетц. И все же здесь огромное поле деятельности для исследователя. Мы все лучше и точнее познаем непреходящее общечеловеческое значение этой культуры, немалое ее влияние на творения профессиональных художников, литераторов. Но все еще очень мало понимаем, как отразились в ней особенности крестьянского сознания и психологии, в чем ее собственные законы, способ видения мира, символика. (Больше повезло тут фольклору, но не о нем сейчас речь.)

Научная важность этой проблемы народной культуры была одной из причин, определивших ту постоянную и неоценимую помощь, которую оказывали новосибирским археографам знаменитые научные центры Москвы и Ленинграда — Пушкинский дом, Архео-

графическая Комиссия, большую заинтересованность в нашей работе Дмитрия Сергеевича Лихачева, Сигурда Оттовича Шмидта и многих других.

В последнее время у исследователей, как и у собирателей, опять входит в моду лубок. Но и здесь — сходные проблемы. Можно объяснить человеку, чей художественный вкус воспитан на посещениях картинных галерей и вернисажей, что дал русский лубок, скажем, книжной гравюре и станковой живописи, профессиональным художникам. Куда труднее сейчас постичь, что и как именно видел в лубке русский крестьянин XVIII в. Судить о лубке лишь по законам развития чужих ему жанров бесполезно и несправедливо.

Разные стороны народного миропонимания прошлых веков все сильнее привлекают внимание ученых. Специалисты все точнее и лучше узнают многие детали народной культуры, быта; сейчас довольно подробно можно рассказать, как одевались крестьяне такой-то губернии в такое-то время, как строили и украшали дома, как и чем работали, что ели, какие песни пели и сказки рассказывали. Этнографические и фольклорные наблюдения сводятся в обобщающие исследования, атласы. При этом оказалось, что материальная культура народа изучена лучше духовной. И не первый уже год длится странная дискуссия среди историков на тему: а была ли у крестьян феодальной России своя идеология? Спор давно уже стал чисто терминологическим, а потому и беспредметным. Противники признания у дореформенных крестьян идеологии понимают под ней нечто научно-системное, характерное лишь для куда более поздних времен, — и во взглядах их оппонентов они поэтому видят лишь набившие горькую оскомину попытки подтягивать развитие русского абсолютистского государства под западноевропейскую хронологию.

А между тем ведь народ всегда имел сумму взглядов и об устройстве мира, и о порядках в обществе, и о многом другом. Взгляды эти сильно отличались от наших сегодняшних, но ведь они были! И когда в народную среду проникали насаждаемые сверху идеологические системы, они претерпевали разительную трансформацию в соответствии с представлениями и целями этой среды. Идея «божьей правды» обличала социальную неправду феодального общества, идеи монархизма трансформировались в представления о «неистинности» правящих царей, в поддержку самозванцев, в принятие имени Петра III Пугачевым. Система христианских идей о конце света — церковная эсхатология превратилась в старообрядческое учение о русском царстве как царстве антихриста, о душепагубности подчинения слугам царя-антихриста. Это учение стало популярным в крестьянской среде далеко за пределами строгих ревнителей старой

веры; казенная церковь и полицейское государство остро реагировали на его распространение, разыскивая и наказывая народных обличителей, сжигая обличения (а подчас и их авторов, распространителей). Борьба породила литературу. Но ни эта борьба, ни эта литература применительно к огромным просторам востока страны почти не были известны науке.

Таким образом, возвращаясь к нашему конкретному предмету исследования — урало-сибирской крестьянской литературе, сначала, еще до всех этих проблем, предстояло выяснить: а существовал ли сам этот предмет? Его неизученность в прошлом объяснялась очень просто — нечего было изучать. В государственных хранилищах и в частных коллекциях произведений этой литературы (за некоторым исключением) обнаружено не было. Археографы Академгородка начали искать их, естественно, в районах прежних старообрядческих поселений.

Была одна обнадеживающая деталь. Она промелькнула в провинциальном старообрядческом издании, каких немало стало появляться после первой русской революции. Помещенные там краткие очерки екатеринбургского купца А. Кузнецова о жизни уральских крестьян-старообрядцев в XVIII в. историки не заметили, они явно были написаны не профессионалом и возбуждали подозрения по части достоверности приведенных в них сведений. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что в распоряжении А. Кузнецова были какие-то старообрядческие источники о местных событиях XVIII в. Источники эти А. Кузнецов не называл, но они, несомненно, существовали еще в начале нашего столетия. Стоило искать.

Оригинальное уральское сочинение об истории борьбы урало-сибирских кержаков против феодальной церкви и государства в XVIII в. попало к нам в руки довольно быстро, однако удержать его мы не сумели. Это было еще на подходе к тому первому нашему скрипторию. Случай лишь на первый взгляд кажется исключительным, на деле же любой археограф признает в нем обстановку обычную. Дело происходило в небольшом селе, в паре часов ходьбы от районного центра. Рукопись принадлежала человеку, пытавшемуся (как вскоре оказалось, довольно безуспешно) играть роль местного наставника. Беседа с ним долгое время никак не налаживалась и несколько оживилась лишь после того, как он узнал конечную цель нашего маршрута. Тогда-то он показал нам свои книги — десятка два поздних перепечаток и рукопись. Выглядела она не очень-то заманчиво для собирателей старины: бумага из ученической тетради, фиолетовые чернила, полууставной почерк, которому явно нет и полувека. Да и содержание сначала разочаровывало — сочинение было

составлено лишь в конце XIX в. неким уральским отцом Нифонтом, в числе источников упоминался какой-то гимназический курс истории церкви, известные исследования по истории старообрядчества. Лишь позднее, при более внимательном изучении рукописи удалось обнаружить, что Нифонт широко и, к счастью, довольно механически, без переработки использовал абсолютно неизвестные науке произведения крестьянских историографов — уральцев и сибиряков XVIII в.

Но когда мы среди прочих книг бегло просматривали эту неказистую рукопись, она казалась не очень интересной. Мы попытались, однако, приобрести ее — безуспешно. После долгих утомительных переговоров удалось лишь упросить владельца передать нам завтра рукопись для копирования на несколько часов. Но за этот день все коренным образом изменилось из-за нашей случайной неосторожности.

Нас очень интересовал маленький, в три-четыре дома хутор неподалеку. Мы никак не могли найти контакт с его обитателями, хранившими какие-то старые книги. Неожиданно оказалось, что сын самого влиятельного из хуторских стариков — один из служителей Фемиды в районном центре. Он принял нас чрезвычайно любезно и с радостью согласился уговорить отца показать нам книги. Он предложил поехать к его отцу вместе с ним на милицейской машине, и мы, увы, согласились по неопытности, радуясь экономии времени. Визит прошел хорошо, сын убедил отца, что никаких дурных намерений мы не имеем, а работаем для науки, нам были показаны все книги (кстати говоря, не интересные для нас). Но на обратном пути, когда мы с благодарностями покидали машину, эту сцену заметила глазастая и въедливая старуха из того самого села, где мы накануне видели сочинения отца Нифонта. В тот же день все старообрядческие двери этого села были закрыты перед нами.

Старуха, конечно, могла насочинить о нас немало — мы знали уже ее буйную фантазию, когда она излагала нам собственные варианты старых византийских текстов о приметах приближения Страшного суда: эта популярная тема была расцвечена ею так, что ни в какие канонические рамки уже не вменялась. Но и старухиных односельчан, поверивших ее рассказам о нас и испугавшихся наших расспросов о древних книгах, вполне можно было понять. Лет десять назад в этом районе по недомыслию уничтожили большое собрание древних книг, среди которых был, например, экземпляр одного из лучших изданий Ивана Федорова, Острожской библии, — и мы никогда не узнаем, что еще. Закрывая пред нами двери, старики были уверены, что спасают этим свои книги от уничтожения.

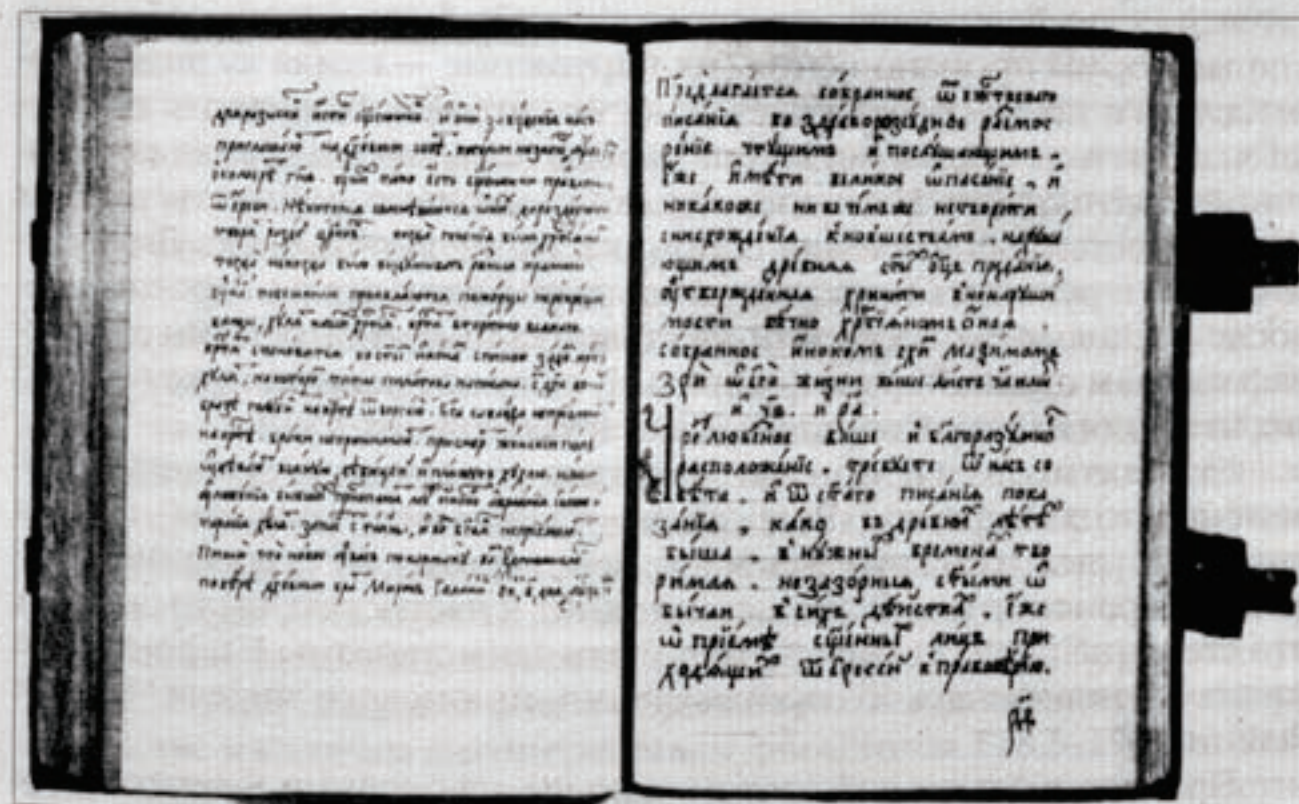
Так рукопись с сочинением отца Нифонта ушла от нас, скорее всего — навсегда. Но уже через неделю удалось обнаружить другой, более исправный и старый список его.

Мы сидели на небольшой поляне близ прилепившейся к скале мастерской по переписке книг, рядом с которой была и келья хозяина скита. Отец Палладий все в том же своем черном одеянии с простодушной гордостью рассказывал, как он не снимал его даже во время знаменитого своего тысячекилометрового пешего побега через непроходимые безлюдные горы; он демонстрировал нам случайно полученные перед этим походом от какого-то епископа навыки решения практических задач по исторической хронологии при помощи «руки Дамаскина». (Сделанные им в связи с этим таблицы и рисунки соотношения лунного и солнечного календарей были нам подарены и попали в хранилище рукописей СО АН лишь недавно, после смерти старика: на сороковины друзьям и знакомым раздавали книги его библиотеки.)

Разговор этот происходил в обстановке на редкость живописной — высокие горы подходили крутыми уступами скал к самой избушке, от скал к огородам был отведен по деревянному желобу ручей, а вся поляна перед нами была плотно заставлена раскрытыми славяно-русскими рукописями и изданиями всевозможных размеров, от огромной Толковой псалтыри весом более пуда до маленького Месяцеслова в 16°. Ручей весной разливался, в ущелье было влажно, книги отсырели, и мне удалось уговорить старика воспользоваться нашим присутствием и устроить просушку всей библиотеки. Ветер медленно перебирал листы книг. Беседа неторопливо переходила с одного сюжета на другой. Поглядев на нотную (крюковую) книгу, старик вспомнил, как обучался еще перед Русско-японской войной петь «по крюкам». Тогда он даже инсценировал самоубийство, чтобы его не искали родные и он смог получить необходимые для обучения несколько лет досуга (см. рис. 9 на цв. вклейке).

Заговорили о том, как часто гибли и гибнут книги, — следы огня или плесени были и на многих книгах вокруг нас. Старик достаточно близко к подлиннику пересказал известную повесть писателя времен Ивана Грозного Ивана Пересветова о том, как «турский салтан Махмуд» пытался сжечь греческие книги, но устранился чуда и пощадил их. Вспомнили о кострах из древних книг при царевне Софье и царицах XVIII в. И вполне естественным был вопрос: что знает наш хозяин о борьбе крестьян-старообрядцев Урала и Сибири во времена Анны Иоанновны и Елизаветы за свободу своих убеждений, против синодальных губителей старых книг, инквизиторов и миссионеров, снабженных для большей убедительности воинскими командами? И вот тут

неожиданно оказалось, что познания нашего собеседника в этой области много шире того, что известно науке, — он называл (хотя и сбивчиво) имена руководителей крестьянского протеста в XVIII в., о которых мы и понятия не имели. К счастью, старик не скрывал источника



В руках у него откуда-то появилась книжица с двумя медными застёжками. Раскрыта на окончании письма М. И. Галанина С. И. Тюменскому и начале сочинения о. Максима

своей поразительной осведомленности. В руках у него откуда-то появилась любовно переплетенная им в оленью кожу книжица с двумя медными застёжками.

Он открыл их. Там было не меньше двух сотен листов, переписанных четким полууставом нашего хозяина несколько десятилетий назад. Вся книга состояла из сочинений по истории урало-сибирских крестьян-старообрядцев XVIII и частично XIX вв., и ни одно из этих сочинений не было известно науке! Подлинность их легко доказывается.

По материалам этого сборника теперь сделано уже несколько научных докладов в Москве, Ленинграде и Новосибирске, подготовлены публикации и статьи, сведения оттуда включены в созданные ИИФиФ СО АН обобщающие труды: двухтомник истории русской

сибирской литературы и пятитомник истории сибирских крестьян. А недавно мы опубликовали и тексты сочинений староверов, помещенные в этой книге о. Палладия.

Самое первое наше ознакомление с этими материалами состоялось в форме многочасового выразительного чтения для всех обитателей скита. Если учесть, что при этом надо было строго соблюдать старые нормы произношения (их нарушение — самая худшая рекомендация в такой среде), будет ясно, что эта неизбежная тогда форма знакомства с новым источником была не лучшей для анализа и научной критики его. Конечно, мы стали активно добиваться иных возможностей для изучения сборника, но не тут-то было. Лишь летом 1970 г. рукопись приехала в Академгородок для копирования — после нескольких посещений этого скита новосибирскими археографами нам стали больше доверять. К тому времени мы уже кое-что знали о многих из упоминаемых в ней крестьянах XVIII в.

Главное место в сборнике занимало то самое историческое сочинение отца Нифонта («Родословие» часовенного согласия), список которого ушел из наших рук из-за неосторожного пользования казенным транспортом. В этом сочинении, в частности, было сказано, что сведения о крестьянах XVIII в. были заимствованы Нифонтом из какого-то исторического произведения «ирюмского жителя Мирона Галанина».

Позднее, в одном сибирском городке, на окраине, в деревянном домике, насквозь проспиртованном от непрерывных возлияний, мы приобрели небольшую рукописную тетрадку, подтверждавшую это.

* * *

Имя ирюмского крестьянина Мирона Ивановича Галанина в 40–50-х гг. XVIII в. было хорошо известно делопроизводителям и чинам Тобольского архиерейского дома, а через 30 лет оно не раз встречалось в делах Синода и даже Сената.

Известность была вполне заслуженной: среди тех, кто в те годы становился во главе мужественного сопротивления крестьян притеснениям и насилиям казенной церкви и самодержавия, он играл далеко не последнюю роль. Но посмертная слава — вещь крайне прихотливая. И хотя последователи Мирона Ивановича почти два столетия сохраняли память о нем, переписывали его произведения и сочинения о нем, весь этот пласт устной и письменной традиции слишком далеко отстоял от культуры верхов дореволюционной России. Пробудившийся после замечательных трудов А. П. Щапова интерес к народному старообрядческому протесту открыл науке немало подобных имен. Но до Мирона Ивановича очередь не дошла; труды

его, его имя оставались неизвестными и советской историографии. Это в общем-то понятно: трудно что-либо найти, когда неизвестно, что искать.

Обнаруженный в скриптории сборник называл ряд имен, можно было начинать целенаправленный поиск среди архивных документов, собраний рукописей библиотек и музеев, в археографических экспедициях.

То, что будет изложено об этом человеке и его соратниках ниже, открывалось постепенно сначала мне, а потом и моим новосибирским и уральским ученикам. Обнаружились документы судебно-следственных дел, отложившиеся в фонде главного противника М. Галанина — Тобольской духовной консистории. О его «злокозненных» делах тобольские духовные власти сообщали «наверх», в столицу. Поэтому успешными оказались поиски в фондах Синода и Сената. Веками власти неустанно разыскивали и конфисковывали старообрядческие книги, большая часть их сжигалась, но кое-что откладывалось в фондах соответствующих церковных и карательных учреждений. Следы жизни и творчества Мирона Ивановича Галанина обнаружились и среди этих книг. Постепенно заполнялись многие лакуны его биографии, относившиеся ко второй половине XVIII в. Но долгое время последние сведения о нем обрывались на документах об его руководстве массовым антицерковным движением 1782–1784 гг. Что с ним было потом, как он окончил свои дни — мне было неизвестно. Но затем была опубликована статья моего ученика, уральского археографа, В. И. Байдина, относящаяся как раз к последнему периоду жизни и деятельности М. И. Галанина. Уральские археографы быстро преуспели в розыске сочинений местных крестьянских писателей. Среди них были и люди, упоминавшиеся в том нашем сибирском сборнике. Несколько входивших в его состав источников были найдены в других, подчас лучших редакциях. Среди этих сочинений центральным было «Родословие» наиболее массового на востоке страны «часовенного» согласия старообрядцев, к которому принадлежал и Мирон Иванович Галанин. Уральцы нашли потом более раннюю редакцию этого «Родословия», нашли и другие «родословия», нашли материалы крестьянских соборов первой половины XIX в., в которых не раз упоминалось имя Мирона Ивановича. Когда мы узнали об этих соборах, появилось новое направление поиска. Наша аспирантка Л. С. Соболева в горах Средней Сибири обнаружила рукопись, в 1928 г. принадлежавшую уже знакомой нам матушке Измарагде; в ней оказались материалы одного из таких соборов — Невьянского (1777 г.); много позднее мы получили с Нижнего Енисея и постановления Кирсановского собора, происходившего в 1789 г. в

доме Мирона Ивановича. Его имя мы находим среди подписавших эти два документа.

Так постепенно выяснилась эта интересная биография. Имя М. И. Галанина впервые появляется в судебно-следственных материалах Тобольской консистории на грани 1740-х и 1750-х гг. В это время в деревнях, затерянных среди обширных болот и лесов Тюменского уезда, вокруг Мирона Ивановича складывался один из очагов сопротивления духовным и светским властям. Проповедь Галанина увлекала в далекие лесные избушки многих крестьян, убежавших от налогов, от притеснения попов-«щепотников». Это были годы правления в Тобольске митрополита Сильвестра Гловатского, предпоследнего представителя украинского духовенства на тобольской кафедре. Он был щедро наделен всеми теми достоинствами и недостатками, которые характеризовали многих видных представителей украинского духовенства, в течение столетия оказывавших серьезное влияние на великорусскую церковную жизнь. Он являлся активным поборником духовного образования, фанатичным борцом за православную ортодоксию в украинском ее варианте, неустанным, хотя и недостаточно гибким миссионером, считавшим распространение православия среди инаковерующих одной из главных задач церкви и охотно прибегавшим к насилию для выполнения этой задачи. Резкость и самоуверенность сочетались в нем с непосредственным восхищением собственными талантами. Он любил сообщать поэтому членам Синода о победах его риторики над косностью старообрядцев во время архипастырских увещаний, забывая упомянуть при этом, что его красноречие подкреплялось пытками, каземами, грядущим приговором суда. Тот пыл, с которым он принялся за искоренение старообрядчества в своей епархии, быстро превратил напряженную обстановку в тюменских старообрядческих деревнях в критическую. Одна за другой, в ответ на насилие Сильвестра, запылали гари. Сильвестр неустанно бьет тревогу, в десятках писем в столицу требует применения все более суровых мер, изобретает неизвестные до того репрессии. Каждая из этих яростных бумаг завершается твердой четкой подписью, украшенной тремя росчерками: «святейшаго правительствующаго Синода послушник, смиренный Сильвестр, митрополит Тобольский». Вся эта миссионерская деятельность примет настолько опустошительные размеры, что в 1755 г. Сильвестра убьют из Тобольска.

В разгар всей этой борьбы в лесных убежищах Мирона Галанина стало особенно многолюдно. Шумные сборища укрывавшихся здесь окрестных жителей обсуждали неизбежность традиционного трагического ответа на преследования в случае, если они будут об-

наружены военными командами, посланными для их поиска. Но беглецов тогда не обнаружили, и самосожжение не состоялось. Местоположение тайных лесных избушек Галанина стало известно властям лишь позднее, когда общий накал борьбы стал временно стихать. О главном тайнике Мирона Ивановича, расположенном вдали от населенных мест, «между непроходимыми и великими болотами на острове в великих лесах в двух избушках», донес в Тобольскую консисторию церковный дьячок села Карматского Антон Байбалов. В марте 1754 г. трое карматских церковнослужителей, взяв с собою трех вооруженных татар, преодолели по зимнему пути болото и попытались захватить обитателей этого скита. С Галаниным в это время, кроме его друга Михаила Девяшева, было лишь четверо беглых крестьян, остальные скрывались в соседних лесах.

Тем не менее священнику Григорию Мухину пришлось донести, что экспедиция его не увенчалась успехом: «Оных раскольников за многолюдством и отгнанием оружием и копьями мне в малолюдстве взять было невозможно».

Перед началом этого «отгнания» староверы успели не без гордости сообщить, что в подобных избушках собралось изрядное число крестьян Исетской провинции, убежавших от преследований и готовых «гореть за веру Христову». Открывшийся немедленно после этого двухчасовой диспут о выяснении истинной веры окончился не в пользу служителей официальной церковной догмы: Мирон и Михаил «на увещания не склонились, но тотчас лаятели и терзатели матерь нашу церковь кафолическую явились и называли еретической». Мало того, Галанин даже называл при этом самого тобольского митрополита халдеем — аттестация весьма оскорбительная для каждого, почитающего Ветхий завет (вскоре Галанин имел возможность и смелость повторить эту выразительную характеристику в застенках Тюмени и Тобольска).

Не осилив своих идейных противников в открытом споре, церковники прибегли к более привычному методу убеждения и вызвали военную команду во главе с самим тюменским воеводой; Галанин и пятеро его товарищей были арестованы. Еще несколько лет воинские команды вылавливали по окрестным лесам крестьян, бывших «в зборище к сожжению с Мироном Галаниным». Интересно отметить, что при захвате в декабре 1755 г. группы крестьян из окружения Галанина у них была найдена среди других «книга письменная гладью (т. е. скорописью.— Н. П.) о разном раскольническом толковании, да тетрадок гладью писаны и малерованая, всего 11». Почти тридцать лет спустя, в 1784 г., при новом аресте друга Галанина Михаила Девяшева (он и на этот раз был арестован одновременно с Галаниным) было захвачено 30 книг и рукописей.

Первое заточение Мирона Галанина было очень длительным и мучительным. Он смог опять вернуться на родину, на Ирьюм, лишь через двадцать долгих лет, претерпев в тобольских казематах немало пыток и истязаний. 2 октября 1774 г. он сообщает своему другу Степану Ивановичу Тюменскому: «Пишу со слезами от радости, другой присный, что сподобил мя господь видеть родной мой край; много было горя, когда я находился в городе Тобольске». В тюремных подвалах Тобольского архиерейского дома, в кельях Знаменского монастыря закованных в колодки, притянутых цепями к стене узников в перерыве между пытками консисторские чины убеждали вернуться «в ограду» официальной церкви; отказавшиеся обратиться в православие погибали обычно довольно быстро, и следственные дела таких упрямцев заканчивались стереотипным приказанием митрополита — «загрести мертвые телеса» в овраге за городом тайно, без погребального обряда. Не удивительно, что отказы узников от старообрядчества, хотя бы внешние, при таких условиях были частым явлением.

Но Галанина не удалось ни сломить, ни замучить. Много позднее, в 1784 г., во время новых духовно-полицейских «увещаний» отказавшись от своей веры, МIRON Иванович не без гордости отвечал священникам, что оставался тверд и в более тяжелых испытаниях: «И голова де уже моя на плахе была, и кнутом бит неоднократно, и руки в хомуте были, и рога на шее носил, и в книги ваши росписи духовные (церковных прихожан. — Н. П.) меня не пишите».

Гордо и стойко перенесший все муки крестьянин пользовался в Ялуторовском уезде огромным влиянием и умело использовал свой нелегко добытый престиж мученика. Уже через несколько лет после возвращения Галанина на родину Тобольская консистория и Синод убедились, какую дорогую цену официальной церкви придется уплатить за традиционно-полицейское завершение диспута о вере с Галаниным в 1754 г. и его последующие многолетние мучения. Весь свой большой авторитет МIRON Галанин, действуя вместе со своими друзьями Сергеем Софоновым, Елизаром Печерским и Михаилом Девяшевым, направил в 1782 г. на поддержку и активизацию, пожалуй, наиболее массового из антицерковных выступлений западносибирских крестьян в XVIII в.

Осенью 1783 г. священник Василий Машенов и дьячок Захар Вавилов обнаружили в деревне Курсановой в Зауралье одну из крестьянских сходок, проводимых Мирон Галаниным. В доносе они так описывали ее: «Помянутой дьячок Вавилов, пришед к дому крестьянина Мирона Галанина, и услышал у его избы, что он говорит голосно и... не входя в ызбу, отодвинул притвор окошка, и увидел, что он, Галанин, среди избы на стуле сидит и книгу в руках держит, которую,

слышно, и читал, только понять с науличья не можно было. На что он, Вавилов, спросил его, Галанина: „Чему ты учишь?“ И Галанин-де, свернув книгу ту, спрятал ее за пазуху и ему не показал, и в то время было у него, Галанина, людей в избе на пример человек з двадцать иль тридцать мужеска и женска пола, и он-де, Галанин, видно явной лжеучитель». Другие подобные встречи Мирона Галанина и его друзей с увещателями заканчивались и более остро. Однажды крестьяне даже пригрозили применить огнестрельное оружие, причем С. Софонов для вящей убедительности «вынес три пистолета, в кои насыпал пороху, и, прибавив пыжам, в окно стрелял раза три». Когда в другой раз клирики попытались превратить увещательную беседу в настоящий допрос, тот же С. Сафонов «начал злобиться и поносить весь духовный чин, а дьякона Андреева матерною скверною бранью ругал и называл кобылою и повесою, и брал его, дьякона, за ворот и тряс и говоря дьякону, что я де тебе засвечю — то есть ударю — от которого ты растаешь».

Страстная агитация Мирона Галанина и других крестьянских вожаков происходила в момент бурного подъема широкого движения зауральских крестьян за свободу выбора своего варианта православной веры. Движение было спровоцировано руководством сибирской церкви, которое попыталось превратить уступки просветительского курса правительства Екатерины II в религиозной сфере в нечто прямо противоположное, в очередной государственный нажим на старообрядцев. Несколько тысяч ялуторовских крестьян, охваченных этим движением протеста, оформляли свой выход из церковных приходов, демонстрировали на каждом шагу свою враждебность к официальной Церкви и ее служителям, отказывались от уплаты всех налогов и поборов в пользу церкви и духовенства. Делом этим пришлось заниматься не только Синоду, но и Сенату. Положение сибирского духовенства осложнялось запутанными просветительскими проектами екатерининского вельможи, героя Хотина Е. П. Кашкина, генерал-губернатора Пермского и Тобольского. Светские власти сначала колебались, не желая обострять положение и справедливо опасаясь новых самосожжений в ответ на репрессии. В конце концов они все же уступили церковникам и санкционировали проведение экзекуций военно-карательными экспедициями, пойдя одновременно на некоторые уступки старообрядчеству. МIRON Галанин и его друзья опять попали под арест, длительность которого нам неизвестна.

В конце XVIII — начале XIX в. МIRON Иванович Галанин — руководитель наиболее радикального, наиболее враждебного синодальной Церкви ирюмского крестьянского центра старообрядчества. Он занимается активной организаторской и публицистической деятель-

ностью, отстаивая свою позицию, борясь против умеренных, соглашательских направлений в часовенном согласии, ориентирующихся не на крестьянский радикализм, а на стремление екатеринбургских купцов нащупать соглашение с властью.

Умер М. И. Галанин в 1806 г.

Небольшая рукописная книжка из горного скриптория подарила нам неизвестного прежде писателя: организатор крестьянских выступлений МIRON Галанин хорошо владел пером. До 1970 г. нам были известны лишь выдержки из его обширного исторического сочинения, процитированные Нифонтом в «Родословии». Само это сочинение до сих пор еще не найдено. Но летний археографический сезон 1970 г. принес нам полный текст его послания к другу, Стефану Ивановичу Тюменскому, от 2 октября 1774 г. Навестив хозяина того же скриптория этим летом, мы обнаружили все в том же сборнике несколько дополнительных листов, исписанных его характерным беглым почерком. Они и содержали послание к Стефану Ивановичу Тюменскому (Степану Иванову).

Послание написано хорошим повествовательным слогом, язык его прост и близок подчас к разговорному, но абсолютно лишен характерных для многих старообрядческих авторов цветистых риторических украшений или тяжеловесных подражаний древнерусскому стилю. Вместе с тем это эмоциональный, страстный рассказ. М. И. Галанин умело сочетает собственные наблюдения с документальным материалом. Послание содержит яркое описание долгих лет его заточения в Тобольске, сообщает о других узниках тобольских церковных тюрем. Очень интересны упоминания о том, что в Тобольске, в Знаменском монастыре «находился первый наш подвижник и страдалец за истинную веру протопоп Аввакум». Сведения о жизни Аввакума в Тобольске и его ссылке на Лену Галанин заключает чрезвычайно любопытным указанием источника: «...много было жития Аввакумова выписано из архивы, записи сибирской истории, лист 119». Увы, нам сейчас неизвестен этот источник о жизни Аввакума в Тобольске, который видел М. И. Галанин. Через несколько строк послания — новая ссылка на архив: «...если прочитать дела Тобольского архива», то можно узнать про «страшные и зверские попытки властей, как духовных, так и гражданских» уничтожить сибирское старообрядчество. Галанин приводит даты этих попыток; некоторые из них явно искажены при переписке, другие же соответствуют реальным датам гонений на урало-сибирских старообрядцев, которые действительно прослеживаются по делам архива Тобольской консистории.

Мысль о том, что узник, неоднократно подвергавшийся пыткам, мог так хорошо знать дела Тобольского консисторского архива, ка-

жется невероятной. Однако приходится признать, что грамотному и смелому крестьянину это как-то удалось.

Галанин сообщает о законодательных мерах Елизаветы против раскола. Излишние в частном письме к человеку, хорошо знакомому с ее указами на практике, они необходимы Мирону Галанину в качестве составной части его повествования по истории преследования урало-сибирских старообрядцев; автор явно рассчитывал, что его послание к другу, как это нередко случалось, станет известно более широкому кругу единомышленников.

Царистские иллюзии сибирского крестьянства несомненно видны в этом послании, не предназначавшемся для правительственных глаз. Галанин глубоко благодарен Екатерине II за облегчение участи старообрядцев и собственное освобождение: «Настало время тишины, с воцарением императрицы Екатерины Второй в 1762 году нам дарована свобода». «И мне, грешному и недостойному, сподобил господь пользоваться милостию царицы Екатерины, и свободили меня на свободу из тобольских казематов монастырских, славить нужно всевышнего бога в молитвах и молиться за державную императрицу, за здравие ея». Следует, однако, внести здесь важные коррективы.

Прежде всего, славословия в адрес милостивой царицы Екатерины II (чаще именно царицы, а не императрицы — Галанин обычно не признавал императорского титула, что светские власти были склонны рассматривать как политическое преступление) сочетаются в послании с враждебным отношением к предыдущей царице — Елизавете, преследовавшей старообрядцев. «Боюсь описывать, как с нами... обращались властью престола царицы Елизаветы Петровны, какие строгия меры были приняты в 1744 году». Таким образом, царистские настроения крестьянства здесь уже обусловлены реальным отношением царской власти к последователям старой веры. В тех случаях, когда союз господствующей церкви и самодержавия принимает наиболее откровенные формы полицейских преследований противников церкви, старообрядческая оппозиция никонианам неизбежно приводит и к осуждению «власти престола царицы». Более гибкая форма союза церкви и государства при Екатерине II опять возрождает у Галанина надежды на «милости царицы Екатерины».

Но отношение Галанина к императорской власти опять резко меняется, как только от имени этой власти начинают издаваться указы, губительные для урало-сибирского старообрядчества. Галанин, конечно, встретил эти указы враждебно; церковные власти поспешили донести о сознательном неповиновении крестьянского бунтаря, гордо заявившего: «Я-де в етом (в вопросах религиозной совести. — Н. П.) государыне неподсуден и приказу ея не слушаю». Галанина тут же попытались объявить сумасшедшим, а когда это не получилось, аресто-

вали за неповиновение императорской власти. Такова мотивированность царистских иллюзий сибирского крестьянина-старообрядца М. И. Галанина.

Его отношение к господствующей церкви было менее противоречиво — это ровная, однозначная ненависть. Она сквозит в каждой строке его послания, донесшего до нас страстное свидетельство очевидца и жертвы полицейских преследований церковников...

Однажды я с новой экспедиционной группой путешествовал по Зауралью. Уже вышли из печати первые работы об ирюмских крестьянских писателях. Под колесами нашего автобуса простучали доски деревянного мостика, переброшенного через небольшую речушку, воробью по колено. Я посмотрел на дорожный указатель и гордо возгласил: «Это и есть Ирюм!» Маршрут наш пролегал через родное село Мирона Ивановича. И стоило назвать его имя, как обнаружилось удивительное: один старик тут же принес из дома недавно переписанное им сочинение Галанина, другой объяснил, как пройти к его могиле.

* * *

Современником, соратником и соперником Мирона Ивановича Галанина был другой крестьянский писатель — Максим (около 1715–1783), беглый холоп, ставший позднее руководителем одного из самых влиятельных скитских центров урало-сибирских старообрядцев, известных своей умеренной позицией.

Умерший через пять лет после Максима, его последователь, уральский старообрядец Стахий Васильевич Кривоспицын составил биографию Максима, которая широко цитируется в нескольких сочинениях XIX в., обнаруженных нами все в том же первом сборнике, а также найденных в ходе последующих археографических экспедиций, новосибирских и свердловских. Одно обширное сочинение Максима было переписано владельцами скриптория в том же сборнике, другое мне удалось обнаружить в судебно-следственных делах Синода. В материалах уральских соборов нашлось несколько упоминаний о Максиме.

В результате нам известно уже немало об этой необычной жизни, но остается еще много загадок и даже противоречий.

Максим не был русским, он происходил из мусульманской семьи. Известны случаи крещения в старообрядчество западносибирских татар — под влиянием пропаганды соседних крестьян-старообрядцев. Но случай с Максимом — особенный. Стахий Кривоспицын сообщает, что Максим был «родом от страны срацынския, агарянских родителей нарицаемых нагльских (нагайских. — Н. П.) татар». Он был взят в

плен русскими войсками еще малолетним около 1724 г. Затем он стал слугой некоего господина Змеева. С. Кривоспицын не жалеет розовых красок, описывая, как любил хозяин своего слугу: у Змеева Михаил «проживал в совершенной его милости и по домашней экономии в полной доверенности». Однако он все же бежал от доброго господина. Биограф очень дипломатично описывает этот поступок своего героя: «Со старообрядцами от него, господина Змеева, отлучился». Отлучка эта продолжалась почти шесть десятков лет, до самой смерти холопа.

После долгих скитаний по «разным градским и пустынным местам» Михаил в 1729 г. добрался до Нижне-Тагильского завода, где беглые чувствовали тогда себя безопасно. Здесь он был принят известным священноиноком Иовом и через некоторое время пострижен под именем Максима. Принятие пострига из столь авторитетных рук сразу выдвинуло его. К тому же Максим не захотел оставаться одним из многочисленных иноков в Нижнем Тагиле, а ушел в 1731 г., после смерти Иова, в знаменитый скит Дионисия, расположенный тогда в лесах близ Черноисточенского завода. После смерти Дионисия он был избран его преемником. Именно из этого известного идеологического центра уральского старообрядчества вышли в XIX в. Валентин и Нифонт, создатели «Родословия» часовенного старообрядчества.

В 1735 г. Василий Никитич Татищев, возглавлявший тогда уральское горное ведомство, предпринял попытку поимки обитателей уральских скитов; речь об этих событиях будет идти в следующей главе. Здесь же мы лишь укажем, что скит Дионисия — Максима счастливо избежал этой широкой татищевской «выгонки». Однако вскоре пришлось все же покинуть насиженные места: то, что не удалось Татищеву, удалось каким-то местным разбойникам, беспокоившим обитателей скита своими частыми набегами. Максим с братиею поселился в самом Нижне-Тагильском заводе, где его скит на долгие годы станет важнейшим центром старообрядческой пропаганды на Урале.

Одним из главных вопросов, волнующих в это время уральских старообрядцев — часовенных, был вопрос о приеме беглых никонианских попов. Это была обычная практика поповских направлений старообрядчества, но именно в это время на востоке страны она начинает встречать растущее сопротивление со стороны более радикально настроенных крестьянских масс. Для них даже такой контакт с антихристовой никонианской церковью — недопустимая уступка силам социального зла. Свой отказ от недавней практики приема беглых попов они внешне объясняли рассуждениями о том, что в последние годы в никонианских епархиях распространяется католическое обливательное крещение. За всеми этими спорами скрывалась расту-

щая враждебность крестьянских старообрядческих общин к казенной церкви. Одним из активных выразителей этих настроений был Мирон Галанин. Максим возглавил в эти годы противоположную партию — сторонников более умеренного курса. В 1765 г. он отправляется из Нижнего Тагила в неблизкий путь — в Москву, с целью найти авторитетные аргументы в поддержку своей позиции. Какими-то таинственными путями он пробрался в московские церковные архивы. Там он нашел документы и некую летопись, на основании которых решил, что архиереи Грузинский и Рязанский не были крещены обливательно и поэтому уральские старообрядцы могут принимать попов, бежавших из их епархий. Эта компромиссная позиция Максима имела некоторое распространение на Урале, пока, как мы говорили выше, не победила в 1840 г. точка зрения Мирона Галанина, отвергавшего любых попов-никониан.

Такова жизнь холопа Максима, как нам ее рисует его биография и документы Тобольской консистории и Синода. Однако неожиданно оказалось, что сведения эти противоречат самим сочинениям Максима, и, в первую очередь, его главному произведению, посвященному как раз критике приема беглых попов.

Сочинение это представляет собой собрание многочисленных выписок из Священного Писания, Кормчей, отцов Церкви. Эти выписки сгруппированы в определенном тематическом порядке, сопровождаются комментарием — «Надсловием здравого разума отца Максима»; ему же принадлежат обширное вступление и заключение, а также несколько связующих рассуждений. Все они написаны торжественным, тяжелым языком; фразы чрезвычайно длинные, придаточные предложения нанизываются одно на другое. Общий вывод Максима выражен достаточно категорично и недвусмысленно: лучше быть вообще без священников и церковных таинств, чем принимать их от господствующей церкви; это «приятие не суть освящение, но паче осквернение, и не спасение души, но потемнение и гибель».

Так это и остается загадкой — резкое противоречие между практической деятельностью Максима и духом его сочинений. Вероятно, в жизни этого человека были неизвестные нам крутые повороты. Может быть, на один из них намекает недавняя находка свердловских археографов. Она свидетельствует, что на каком-то из соборов часо-венных за прекращение приема священников от господствующей церкви вместе с Мироном Галаниным выступал некий Максим Кармацкий. Кармаки — арена действий и Мирона Галанина, и бывшего холопа Максима. Но, скорее всего, это какой-либо другой Максим. Кто именно — ответа пока нет.

Все сказанное выше — лишь первый этап поразительного феномена возвращения из небытия урало-сибирской крестьянской литературы XVIII—XIX вв., — из небытия, вызванного нашим невниманием, неумением разглядеть реальные законы развития народной культуры, инстинктивным нежеланием замечать все то, что не вполне соответствует нашим стандартным представлениям о «научно-обобщенной» истории страны.

Этот первый этап связан для меня прежде всего с именами и текстами, помещенными в той небольшой книжице, с которой познакомил нас хозяин горного скриптория. Но вскоре в поиск включились новые силы, в том числе наши студенты и аспиранты. На глазах заполнялись лакуны, появлялись новые авторы, сочинения — и новые загадки, недоумения. Разыскания то отходили достаточно далеко от первой книжицы в оленьей коже, то неожиданно опять возвращались к ней. Так, наряду с именами народных писателей, в ней упоминались и сподвижники Мирона и Максима — крестьяне-художники XVIII в. Тимофей Заверткин и Григорий Коскин. Удалось узнать подробности их биографий, их борьбы, обнаружить интересное публицистическое послание Т. Заверткина (беглого крепостного графа Б. П. Шереметьева), созданное в 1768 г. Началось изучение урало-сибирской народной живописи XVIII–XIX вв., был обнаружен целый семейный архив нескольких поколений крестьян-художников со многими документами и изображениями.

Эти последние находки связаны уже с деятельностью нового археографического центра — свердловского. Под энергичным руководством свердловского историка Рудольфа Германовича Пихои, пользуясь опытом археографов Ленинграда, Москвы и Новосибирска, уральские ученые провели десятки экспедиций, в том числе и по местам, где когда-то действовали герои этой главы. Находятся все новые сочинения М. И. Галанина и Максима, обнаруживаются имена новых писателей из народа. Число спасенных уральскими экспедициями книг XVI—XIX вв. уже исчисляется тысячами, они составляют более двадцати территориальных собраний.

Новосибирск и Екатеринбург работают в добром согласии, иначе нельзя — ведь археографы обоих центров изучают по сути один и тот же объект — народную культуру востока страны. И не раз случалось, что продолжение сюжетов, на которые выходили в Новосибирске, обнаруживалось на Урале. Но подчас здесь появлялись такие направления поиска, о которых мы и не подозревали. Так, сотрудник УрГУ В. И. Байдин, один из моих учеников, обратил внимание на находившееся в уральском сборнике начала 1840-х годов «Слово Иоан-

на Златоуста о лжеучителях». Это хорошо известный в старообрядческой среде памятник, но оказалось, что в сборнике под этим заглавием шел совершенно иной текст — оригинальное сочинение, остро и умело клеймящее новых «лжеучителей», священников господствующей церкви, забывших заветы нестяжания и умеренности (более поздний список того же «Слова» приобрел потом в Зауралье и я). В том же сборнике начала 1840-х годов было и другое оригинальное произведение, в котором отдавалась дань известной легенде о Наполеоне I как антихристе, а также содержался страстный протест против бюрократически-крепостнических элементов реформы государственной деревни, проводимой министром П. Д. Киселевым. Реформа эта вызвала на Урале широкие крестьянские волнения, дело дошло до настоящих сражений, когда восставшие крестьяне были разогнаны артиллерийским огнем. В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде я видел собственноручные инструкции Николая I о наказании бунтовщиков — царя особенно возмутила проявившаяся во время волнений особая ненависть восставших крестьян к господствующей церкви и ее священникам. Так опять обнаружилась связь крестьянской литературы с крестьянской борьбой за справедливость.

Сочинение отца Нифонта, с которым в 1966 г. познакомил меня хозяин скриптории, стало первым известным нам «родословием» (оказывается, так называли на востоке страны сочинения по истории местных старообрядческих центров, согласий). Работа уральских коллег открыла еще четыре разных «Родословия». Самым интересным из них оказалось, пожалуй, поморское, связанное с крупным центром этого согласия, функционировавшим в XVIII–XIX вв. в селе Таватуй близ Екатеринбурга. Однажды на одной из археографических конференций, где мы обычно обменивались информацией о новых находках, свердловские друзья стали настоятельно расспрашивать нас, не попадались ли нам в документах какие-либо сведения о графе Игнатии Семеновиче Воронцове, друге детства царя Алексея Михайловича, ставшем затем основателем тайного поморского центра в Таватуйе. Так изображалась история возникновения этого центра в трех списках поморского «Родословия» и устном предании, записанном в с. Таватуй в 1978 г. свердловским филологом Ларисой Степановной Соболевой (получившей свой первый археографический опыт в наших экспедициях).

Никакой полезной информации мы тогда дать свердловчанам не смогли — в неплохо известную генеалогию Воронцовых рассказ о графе-отшельнике не укладывался. Решение — и очень неожиданное — нашли вскоре сами уральцы, о нем сообщила научная публи-

кация, сделанная тогдашним руководителем археографов УрГУ Р. Г. Пихоей и Л. С. Соболевой. Не буду пересказывать ее, тем паче что вскоре в Свердловске выходит в свет и популярная книга об уральских находках, излагающая всю эту историю¹. Упомяну лишь, что вместо народного варианта толстовского рассказа об отце Сергии подлинные судебные-следственные документы нарисовали яркую реальную биографию ссыльного донского казака Игнатия Семеновича Воронкова, превращенного крестьянским сознанием в вельможу, ушедшего из несправедливого мира антихриста в уральские леса.

¹ Вышла она в Свердловске в 1989 г.: «Книги старого Урала». Составитель и редактор Р. Г. Пихоя.